

Посвящаю

Карен

Сандре

Кэтрин

Джерри

Кэрол

Эллен

Дайэнн

Хилари

Диане

— волноломам в сезон штормов

...Великий испуг:
Не крушенья ли срок сужденный настал,
Чтоб низвергнуть мир, чтобы хаос опять
Безвидный объял и людей, и богов,
Окружил и твердь, окружил и моря,
Чтобы скрыла огни блуждающих звезд
Природа опять.

...
Неужели из всех, сколько было, племен
Только мы сочтены достойными пасть
Под крушеньем небес?

Сенека. Фивст¹

---

¹ Перевод С. А. Ошерова.

Часть I

КНИГА КОРОНАЛЯ

Глава 1

Валентин пошатнулся и оперся свободной рукой о стол, стараясь не расплескать вино.

Что за странное ощущение, подумал он: кружится голова, путаются мысли. Перебрал вина? Духота? Или, быть может, здесь, глубоко под землей, сила тяжести ощущается сильнее...

— Ваше высочество, — пробормотал Делиамбер, — произнесите тост. Первый за понтифика, потом за его советников, потом...

— Да. Да, я знаю.

Валентин растерянно водил взглядом по сторонам, как стит-мой в заливе, окруженный копьями охотников.

— Друзья... — начал он.

— За понтифика Тивераса, — резко прошептал Делиамбер.

Друзья... Да, рядом с ним сидят самые близкие люди. Почти все — нет Карабеллы и Элидата: она отправилась на запад, где он встретится с нею, а Элидат в отсутствие Валентина держит на Замковой горе бразды правления. Но все остальные здесь: Слит, Делиамбер, Тунигорн, Шанамир, Лизамон и Эрманар, Тизана, скандар Залзан Кавол и хьорт Эйзенхарт — да, самые дорогие ему люди, опора его жизни и царствования.

— Друзья, — сказал он, — поднимите кубки и присоединитесь к тосту. Как вам известно, Божество не даровало мне легкой и приятной жизни на троне. Вы все знаете, какие трудности выпали на мою долю, с какими испытаниями довелось столкнуться, какие задачи возложены на меня и какие серьезные проблемы до сих пор ждут решения.

— Мне кажется, это неуместно... — негромко проговорил кто-то за его спиной.

И опять бормотание Делиамбера:

— За его величество понтифика! Вы должны произнести тост за его величество понтифика!

И то, и другое Валентин пропускает мимо ушей. Слова идут откуда-то изнутри, будто сами по себе.

— И если мне будет дарована милость вынести эти беспримерные трудности, — продолжал он, — то лишь благодаря поддержке, любви и советам друзей и товарищей — а этим могли бы похвастать немногие из когда-либо царствовавших правителей. И именно с вашей неоценимой помощью, дорогие друзья, мы наконец добьемся спасения от бед, терзающих Маджипур, и вступим в эру истинного братства, которого так желаем. Итак, мы готовы — охотно и с радостью — выступить завтра в великое паломничество по нашему царству, и я, друзья, поднимаю последний на сегодня тост — за вас, за тех, кто все эти годы поддерживал и направлял меня, и...

— Как странно он выглядит, — пробормотал Эрманар, — здоров ли он?

Валентина пронзил спазм ужасной боли. В ушах загудело, воздух в гортани и легких сделался горячим, как огонь. Он будто погружался в ночь — ночь столь ужасную, что она затмила весь свет и захлестнула его душу приливом черной крови. Кубок выпал у него из рук и разбился, и с ним раскололся весь мир, разлетелся на тысячи мелких осколков, что рассыпались по всем концам Вселенной. Головокружение сделалось невыносимым. И тьма — абсолютная, беспросветная, полное затмение...

— Ваше высочество! — крикнул кто-то. Хиссун?

— Он принимает послание! — другой голос.

— Послание? Не может быть! Ведь он не спит.

— Мой повелитель! Мой повелитель! Мой повелитель!

Валентин опустил взгляд. Все вокруг было черным, вверх от пола ползла тьма. Чернота будто звала его. Иди сюда, шептал тихий голос, вот твой путь, вот твоя судьба — ночь, тьма, гибель. Покорись! Покорись, лорд Валентин, что был короналем и что никогда не станет понтификом. Покорись. И Валентин покорился, поскольку пребывал в замешательстве и оцепенении духа, и ниче-

го иного не смог сделать. Он заглянул в захлестывающий его черный омут и позволил себе упасть в него. Безропотно, не пытаясь хоть что-нибудь понять, он погрузился во всепоглощающую тьму.

«Я мертв, — подумал он. — Я плыву по течению черной реки, что возвращает меня к Источнику, и скоро я встану и пойду по берегу, чтобы найти дорогу к Мосту Прощаний, а потом перейду его и попаду в то место, где начинается и заканчивается всякая жизнь».

Его объяло какое-то странное умиротворение, ощущение чудесной легкости и покоя, неодолимое чувство, что вся Вселенная слилась с ним в священной гармонии. Ему казалось, будто он наконец-то освободился от бремени власти и снова лежит в колыбели, завернутый в теплые пеленки. До чего же хорошо! Тихонько лежать, и пускай все тревоги проплывают мимо! Это что — смерть? Что ж, тогда смерть — это радость!

— *Мой повелитель, вы заблуждаетесь! Смерть — это конец всем радостям.*

— *Кто здесь?*

— *Вы знаете меня, мой повелитель.*

— Делиамбер? Ты тоже умер? Ах, старый друг, какое уютное и безмятежное место смерть!

— *Вы вне опасности, это да. Но вы не умерли.*

— *Но чувствую себя очень похоже.*

— *Вы настолько хорошо разбираетесь в смерти, мой повелитель, что так уверенно об этом рассуждаете?*

— *Но что же это, если не смерть?*

— *Больше похоже на чары, — сказал Делиамбер.*

— Твои, колдун?

— Нет, не мои. Но, если позволите, я могу их снять. Ну, просыпайтесь. *Просыпайтесь.*

— Нет, Делиамбер! Оставь меня.

— *Надо, мой повелитель.*

— Надо, — с горечью произнес Валентин. — Надо! Всякий раз надо! Неужели нет мне отдыха? Оставь меня здесь, Делиамбер. Это место — такое мирное, а я не воинственный человек.

— *Ну же, мой повелитель!..*

— *Скажи еще, что это мой долг.*

— Нет нужды говорить то, что вы и так знаете. Просытайтесь.

Он открыл глаза и обнаружил, что не касается пола, а лежит, безвольно обвиснув, на руках Лизамон Халтин. Воительница несла его легко, как куклу, прижимая к огромной груди. Немудрено, что он вообразил себя лежащим в колыбели или же плывущим по черной реке! Рядом с ним находился Аутифон Делиамбер — он сидел на левом плече Лизамон. Кончики трех щупальцев вруна касались его лба, щеки и груди, и Валентин понял, каким образом колдун вытащил его из обморока.

Чувствуя себя очень глупо, он сказал:

— Можешь опустить меня на землю.

— Вы очень слабы, ваше высочество, — громынула Лизамон в ответ.

— Думаю, не настолько. Поставь меня на ноги.

Осторожно, как будто Валентину по меньшей мере девятьсот лет, Лизамон поставила его на пол. Тут же головокружение вновь накрыло его, и он вытянул руки и оперся на великаншу, которая на всякий случай не отходила от него. Зубы стучали, тяжелые одежды, будто саван, липли к влажной коже. Ему стало страшно, что стоит ему хоть на мгновение закрыть глаза, как тьма вновь поднимется и поглотит его. Но он заставил себя твердо встать на ноги, хоть это и была всего лишь видимость. Давние тренировки дали себя знать: какие бы страхи ни мучили его, он не мог допустить, чтобы его видели растерянным и слабым.

Мгновение спустя он успокоился и смог оглядеться. Его вынесли из большого зала, и сейчас он находился в каком-то ярко освещенном коридоре, стены которого были инкрустированы тысячами переплетающихся и наползающих друг на друга эмблем понтифика — повторяющимся символом Лабиринта, от которого рябило в глазах. Вокруг сбились в кучу испуганные и встревоженные люди: Тунигорн, Слит, Хиссун и Шанамир из его собственной свиты и несколько приближенных понтифика: Хорнкаст, старый Дилифон, и за их спинами еще полдюжины голов в желтых масках.

— Где я? — спросил Валентин.

— Уже подходим к вашим покоям, ваше высочество, — ответил Слит.

— Я долго был без сознания?

— Всего две или три минуты. Вы стали падать, когда говорили речь, но Хиссун и Лизамон поймали вас.

— Это все вино, — произнес Валентин, — думаю, я перебрал — кубок здесь, кубок там...

— Вы практически трезвы, — возразил Делиамбер, — и прошло всего несколько минут.

— Позволь мне еще какое-то время верить, что это было вино, — сказал Валентин.

Коридор повернул влево, и перед ним появилась огромная резная дверь его апартаментов — со знаком пылающей звезды и инкрустированной золотом личной монограммой Валентина — «ЛВК».

— Тизана, где ты? — позвал он.

— Я здесь, мой повелитель, — откликнулась толковательница снов.

— Отлично. Я хочу, чтобы ты вошла в покои вместе со мной. Еще Делиамбер и Слит. Больше никто. Понятно?

— Могу ли я тоже войти? — раздался голос из свиты понтифика.

Это был тощий тонкогубый человек со странной пепельной кожей, и в следующее мгновение Валентин узнал его — Сепултров, личный врач понтифика Тивераса.

Валентин покачал головой:

— Благодарю за заботу, но, думаю, вы не понадобитесь.

— Но, мой повелитель, столь внезапный обморок требует диагноза.

— Его слова не лишены смысла, — тихо заметил Тунигорн.

Валентин пожал плечами:

— Ладно. Но попозже. Сперва позвольте мне поговорить с моими советниками, добрый Сепултров. А потом можете постучать мне по коленкам, если вам так уж хочется. Тизана, Делиамбер, пойдемте.

Собрав последние остатки царственного достоинства, он вошел в апартаменты, и когда тяжелая дверь закрылась, отсекая